

КРИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Иван Есаулов

Термин «критический реализм» был введен М. Горьким в докладе на Первом съезде советских писателей в 1934 году. Он имел изначально оценочный характер. По отношению к иной «линии» дореволюционной, но «некритической» русской литературы (Горький называл ее «мещанской») — «критический реализм» был «прогрессивным», однако в условиях социалистической действительности он, по словам Горького, «необходим нам только для освещения пережитков прошлого, для борьбы с ними, вытравления их. Но эта форма реализма не послужила и не могла служить воспитанию социалистической индивидуальности, ибо — всё критикуя, она ничего не утверждала, или же — в худших случаях — возвращалась к тому, что ею же отрицалось»¹.

Оценочность этого термина оставалась неизменной на протяжении всего советского периода российской истории, хотя ставилась порой в самые различные политические и культурные контексты. Истоки понимания реализма русской литературы XIX века как «критического» имеют аксиологическую смысловую парадигму, базирующуюся на определенном отношении к дореволюционному прошлому страны, когда *реакционными* называются все те литературные явления, в которых можно заподозрить движение «от радикализма и демократизма в сторону охраны и защиты буржуазного “порядка”»². Напротив, *прогрессивно* все то, что так или иначе оппозиционно социальному «порядку» Российской империи.

При этом чем выше степень «радикализма», тем «прогрессивней» тот или иной писатель, общественный деятель или литературный критик. При такой аксиологической установке сам литературный процесс, а также творчество отдельных авторов описываются в соответствии с общественно-исторической схемой последовательного «освобождения» личности (частным случаем являются известные ленинские этапы «освободительного движения в России», навсегда ставшие каркасом советского варианта «истории русской литературы»).

В докладе Горького негативная оценочность предшествующего «соцреализму» периода еще находится в чистом и незамутненном виде — в полном соответствии с доминирующими установками первых пятнадцати-двадцати послереволюционных лет. «Основная тема (конечно, «основная» именно при охарактеризованной выше аксиологической установке. — *И. Е.*) европейской и русской литературы XIX столетия — личность в ее представлении обществу, государству, природе... Надо усвоить, что критический реализм возник как индивидуальное творчество “лишних людей”...»³

Впоследствии же — в некотором противоречии с горьковским определением «прогрессивной» линии «русской буржуазной литературы» как «критического» реализма⁴ — не только в «литературе, рожденной Октябрем», но и в русской словесности XIX века также отмечался пафос утверждения. Так, во втором издании БСЭ можно прочесть: «слияние эпической широты и объективности с драматической напряженностью и остротой в изображении антагонистических конфликтов, создание положительного эпического образа..., единство нравственного и этического идеала в типических образах передовых людей характеризуют русский критический реализм»⁵. В третьем издании БСЭ прямо утверждается, что «обли-

чительный пафос критического реализма никоим образом не исключает в реалистическом искусстве XIX—XX вв. утверждающего начала»⁶.

Аналогичная тенденция инвестировать в «критический реализм» те или иные черты «утверждающего начала», «положительного эпического образа», «нравственного идеала» отчетливо прослеживается и в специальных литературоведческих публикациях, посвященных как выявлению специфики «критического реализма», так и проблемам его соотношения с реализмом социалистическим. А. Иващенко в статье «К вопросу о критическом реализме и реализме социалистическом» (1959) хотя и отмечает, что «критический реализм XIX века разоблачал язвы капиталистического миропорядка», однако добавляет — в совершенном противоречии с доктриной Горького: «нельзя забывать о другой стороне реализма... критические реалисты первой половины прошлого века пытались найти выход из царства чистогана, указать на возможность внебуржуазного существования для своих героев. Реалисты прошлого пытались открыть положительные социальные возможности человека...»⁷ А. Метченко в 1967 году имел полное основание заявить: «Уже давно отброшено однобокое представление о критическом реализме как о методе, который жил только пафосом отрицания. Утверждающее начало не менее свойственно классикам реализма, чем критическое»⁸. В этой же работе можно отметить типичную для данного периода конструирования объема понятия «критический реализм» констатацию различий между этим «методом» и соцреализмом: «Но то, что утверждал критический реализм, нередко оказывалось недостаточным, а иногда и неприемлемым для социалистического реализма»⁹. Таким образом, можно говорить о принципиальном смещении семантических границ между понятиями «критического» и «социалистического» реализмов: они выстраиваются не по принципу «отрицание/утверждение», но по типу самого «утверждающего начала».

Однако следует заметить, что это смещение можно квалифицировать как существенное, лишь находясь в той же (или, по крайней мере, весьма близкой) ценностной исследовательской системе координат, что и советские литературоведы (критики). Именно в подобной исследовательской перспективе нюансы в определении места «критического реализма» в истории русской литературы, рассматриваемые в ходе многочисленных дискуссий (можно отметить среди них дискуссию ИМЛИ 12—18 апреля 1957 года) и призванные для внешних наблюдателей создавать иллюзию полнокровной научной жизни и здоровой соревновательности разных точек зрения, обретают статус действительно концептуальных различий. Чем является «критический реализм» — методом? направлением? течением? особой традицией? Когда начинается «критический реализм»? Когда он заканчивается? Заканчивается ли он вообще?¹⁰ Можно весьма подробно рассматривать извивы дискуссий на эти и другие темы, усматривая в той или иной нюансировке проявления более существенных идеологических перемен.

С другой исследовательской позиции понятно, что как бы ни квалифицировался «критический реализм», само возникновение этого термина в качестве члена ценностной оппозиции «критический / социалистический» неизбежно предполагает изначальную негативацию, которая могла смягчаться (что и происходило в действительности), но не исчезать. Безоценочной эта позиция могла стать в одном-единственном случае, принципиально невозможном для советской культурной парадигмы: если допустить паритет «социалистического» и «несоциалистического» признаков, паритет «советской» и «досоветской» литературы. Однако признание подобного паритета не только входит в противоречие с доминантным для советской исторической науки и литературоведения представлением об «освободительном движении» в России и его «трех этапах», но и в противоречие с более широким прогрессистским представлением об историческом детерминизме и поступательном *развитии* литературы.

Между тем, в явном или скрытом виде, но как раз на этих научных аксиомах и строилась история русской литературы, требовавшая сохранения термина «критический реализм» именно для закрепления негативации по отношению к дореволюционной России — по сравнению с историей советской. М. Горький в своей «Истории русской литературы» в соответствии с такого рода представлениями превозносит «великолепнейшую и, может быть, наиболее социально-плодотворную линию русской литературы — линию социально-обличительную»¹¹.

Несмотря на указанную выше «корректировку» горьковского радикализма, именно «обличительная» линия совершенно закономерным образом составляла «ядро» понятия «критический реализм» в качестве *доминантной* и наиболее *ценной* для русской дооктябрьской литературы. В статье «Вопросы построения истории русской литературы» Д. Д. Благой вполне откровенно формулировал: «Историк литературы не должен быть в плену и на поводу у фактов... История литературы должна в основном строиться... как история прогрессивной литературы, складывающейся в борьбе с отжившим, упирающимся, реакционным»¹². В редакционной статье «Сорок лет советской филологической науки» подчеркивалось: «В свете ленинского учения о двух культурах наше литературоведение уделяло преимущественное внимание тем наиболее прогрессивным литературным направлениям и писателям, которые недооценивались или искажались буржуазным литературоведением... Новое освещение получила и русская литература XIX века. Подход к ней с точки зрения русской революции и трех этапов русского освободительного движения обусловил особенное внимание к революционным направлениям в русской литературе...»¹³ Как выразился уже в 1967 году рассуждавший о «принципах построения общего курса русской литературы XIX века» В. И. Кулешов, «победившая революция бросала ретроспективный свет на все предшествующее освободительное движение в России»¹⁴. При таком «ретроспективном свете» произошла любопытная трансформация истории русской литературы XIX века, в которой можно выделить три момента: 1) эта литература понималась преимущественно как литература социально-обличительная; 2) для облегчения подобной «ретроспективной» переоценки в центре внимания литературоведческой науки оказались те русские авторы, которые трактовались как «прогрессивные»; 3) пропорция между собственно писателями и литературными критиками (журналистами) была решительно смещена в сторону последних, причем «революционные демократы» не только квалифицировались как предшественники «демократов» советских, но и как теоретики именно «критического реализма».

Если первый и второй моменты совершенно очевидны (достаточно проанализировать, например, состав двух томов библиографического указателя «Советское литературоведение и критика» за 1917—1967 гг. (М., 1966—1970), а также прочитать периодически возникавшие и инициированные свыше гневные «протесты научной общественности» против «теории единого потока» в русской литературе, то есть весьма робких и непоследовательных попыток обойти жесткость классовой схемы «освободительных этапов», а также ленинского учения о «двух культурах»), то на кардинальном переосмыслении соотношения «демократической» критики и собственно художественной литературы интересно остановиться более подробно.

Показательно, что в восстановленном десятом томе «Литературной энциклопедии» центральная статья «Русская литература» *начинается* не с собственно художественной литературы, а с характеристики деятельности «прогрессивных критиков»: «Линия — Белинский, Чернышевский, Добролюбов — ... это наиболее высокий подъем литературной науки»¹⁵. Вероятно, «ретроспективно» иерархия критиков и писателей XIX века рассматривалась как некое подобие утвердившейся в СССР иерархии идеологов и литературных работников-практиков («со-

ветских писателей»). В десятитомной «Истории русской литературы» (1941—1956) огромное место занимает именно рассмотрение литературной критики. Однако авторы четырехтомной «Истории русской литературы» (1980—1983), напротив, полагают, будто «обычно... выдающаяся *организующая* и *направляющая* роль классической критики представлена в крайне ослабленном виде»¹⁶.

При этом советских историков литературы совсем не смущало то обстоятельство, что «основоположник» теории «критического реализма» В. Г. Белинский никогда не употреблял не только горьковского словосочетания, но и самого термина «реализм», а Н. А. Добролюбов пользовался словом «реализм» чрезвычайно эпизодически. Объяснение этой достаточно странной ситуации видится в том, что сам литературоведческий дискурс строится не вокруг описания непосредственного предмета изучения, а имеет совершенно иные задачи.

В редакционной статье к первому тому «Литературного Наследства» (1931 год) история русской литературы определяется как такого рода локальный «участок классовой борьбы», который должен быть обязательно захвачен: «Победоносно наступая по всему фронту, ленинское литературоведение добьет классового врага и на этом участке»¹⁷. В 1954 году как о совершенно очевидной для советского исследователя установке в «Известиях АН СССР» утверждается, что «историк литературы XIX века, конечно, обязан *всячески подчеркивать* громадное направляющее воздействие, которое оказывала революционно-демократическая критика, начиная с Белинского, на развитие самого литературного процесса»¹⁸. Интересен сам *дискурс* исследователей литературного наследия революционных демократов: «Все отчетливее, глубже и радикальнее формулируются Белинским в последних его статьях основные задачи литературы его времени. Являются *все более точные и развернутые определения* собственно реалистического метода ее. И однако... термин *реализм* не привлекается Белинским и в его последних статьях...», «Несмотря на явное и принципиально четкое *определение реализма* как важнейшего метода и основного направления литературы в критике Белинского последних лет, термин *реализм* не нашел еще у него своего применения»¹⁹.

Постепенно в советском литературоведении сложилось такое положение, когда — вне зависимости от конкретных нюансов в толковании критического и социалистического реализмов — они стали практически обозначать два последовательных этапа истории литературы. В работе, специально посвященной истории термина «критический реализм», А. Лаврецкий совершенно справедливо констатирует, что «наиболее признанными терминами для обозначения этапов развития русской литературы в XIX и XX веках являются два: “критический реализм” и “социалистический реализм”. Мы обозначаем ими два следующих один за другим периода единого литературного процесса»²⁰.

Специфическая размытость горьковского словосочетания «критический реализм», еще более усилившаяся вследствие некоторого переосмысления его в советской критике, привела к следующим парадоксальным результатам: неопределенность самого термина, с одной стороны, препятствовала сколько-нибудь адекватному построению истории русской литературы XIX века (поскольку центральным для нее провозглашался именно «критический реализм») и осмыслению ее соотношения как с западноевропейскими литературами, так и с литературой советской, приводила к совершенно сознательному искажению реального литературного процесса, рассматриваемого с позиций теории «двух культур» и «этапов освободительного движения».

С другой стороны, именно эта неопределенность позволила некоторым советским литературоведам постепенно уйти от первоначального радикализма в отношении «дореволюционной» литературы и культуры. Следует отчасти согласиться с А. Лаврецким, исследователем «судьбы» термина «критический реализм»: в нем постепенно было «отброшено то социально-историческое содержание, которое

вкладывал в него Горький... Если Горький, говоря о критическом реализме, никогда не забывал о классово-борьбе в литературе, то в построениях литературоведов, якобы следовавших за Горьким, *под гостеприимным кровом критического реализма классово противоположные группировки мирно уживались друг с другом*²¹.

Разумеется, критик несколько драматизировал ситуацию: даже чрезвычайно широко понимаемый «критический реализм» все-таки не мог полностью вместить в свои рамки то, что можно назвать русской литературой прошлого века — и, тем самым, легитимировать достаточно «мирное» сосуществование «двух культур» в пределах «единого потока». Однако в советской рецепции «критического реализма» действительно можно усмотреть попытку имплицитной и чрезвычайно робкой «ревизии» ленинского подхода к национальной культуре «эпохи капитализма» в России, которая прослеживается и в судьбе других понятий, которыми пользовалась критика. Что же касается оценки этого «ревизионизма», то, на наш взгляд, вряд ли стоит преувеличивать его действительные масштабы: эта мутация в пределах единой советской культуры, отнюдь не свидетельствовала даже о *паритете* «русского» и «советского» этапов литературного процесса, не говоря уже о возможности более глубокого пересмотра советской модели историко-литературного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 17.

2 Там же. С. 11.

3 Там же. С. 17.

4 Ср.: «наша литература развивалась по двум линиям — линия критического реализма: Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь и т. д. до Чехова, Бунина и линия чисто мешанской литературы» (Там же. С. 10). Характерно, что Горький, называя Фонвизина, не упоминает о Пушкине. Достоевскому же, напротив, уделяет в своем докладе очень много места, как писателю, который нашел «истину» в «зверином, животном начале человека», представляя его «в роли средневекового инквизитора» (Там же. С. 11).

5 БСЭ. 2-е изд. Т. 36. М., 1956. С. 161. Здесь и далее выделено нами.

6 БСЭ. 3-е изд. Т. 13. М., 1973. С. 455.

7 Проблемы реализма. М., 1959. С. 313.

8 *Метченко А.* О социалистическом и критическом реализме // Москва. 1967. № 6. С. 197.

9 Там же. С. 198.

10 Тот же А. Метченко, говоря о творчестве Булгакова, Платонова, Белого и Солженицына полагал, что «произведения в традициях критического реализма появлялись в советской литературе в разные исторические периоды» (Там же. С. 202). Конечно, эти произведения, «обладающие многими превосходными качествами, все же в целом уступают по глубине и верности изображения советской действительности произведениям, написанным с позиций социалистического реализма» (Там же. С. 202).

11 *Горький М.* История русской литературы. М., 1939. С. 25.

12 *Благой Д. Д.* Вопросы построения истории русской литературы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1954. Т. 13. Вып. 5. С. 411.

13 Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1957. Т. 16. Вып. 5. С. 399, 401.

14 Советское литературоведение за пятьдесят лет. М., 1967. С. 395.

15 Литературная энциклопедия. Т. 10. München, 1991. Стлб. 91.

16 История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 8.

17 Литературное наследство. Т. 1. М., 1931. С. 5.

18 Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1954. Т. 13. Вып. 5. С. 404.

19 *Сорокин Ю.С.* К истории термина реализм (40—60-е годы XIX в.) // Русские революционные демократы. Л., 1952. Учен. зап. ЛГУ. № 158. Сер. филологических наук. Вып. 17. С. 236, 237.

20 *Лаврецкий А.* О судьбе одного литературоведческого термина // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1957. Т. 16. Вып. 1. С. 34.

21 Там же. С. 37.